

DOI: 10.25178/nit.2024.2.10

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

**Кадак — шарф подношения и освящения
(из истории традиции)****Чимиза К. Ламажаа***Независимый исследователь, Российская Федерация,
Мендыганым Дж. Шаймерденова**Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, Казахстан*

В статье анализируются особенности использования ритуального шарфа кадак в истории тувинской этнической культуры.

Этимологические исследования показывают, что название заимствовано из тибетского языка и появилось в тувинском — в результате влияния тибетской буддийской и добуддийской культур, при значительном посредничестве монгольской культуры, также принявшей буддизм. Это подтверждается и в заимствовании практик. Мирный синтез буддизма и шаманизма Тувы привел к тому, что и ритуальные шарфы кадак стали использоваться широко и шаманами в их практиках. Многочисленные свидетельства очевидцев шаманистских обрядов и быта конца XIX — начала XX в. и последующие этнографические исследования показывают, что кадак считается традиционным ритуальным предметом тувинских шаманов. Это заимствование органично соединилось с практикой использования шаманами разноцветных лент чалама. Кадаки также использовались и в буддийских религиозных ритуалах.

Помимо религиозного предназначения у кадаков в Туве распространилось и значение преподношения, которое изначально было и в тибетской добуддийской культуре. Эта традиция также соединилась с имевшейся у тувинцев традицией одаривания лентами-шкурками.

Прочное укоренение традиции использования кадаков в тувинской культуре было подчеркнуто в государственной символике Тувинской Народной Республики, а также восстановлено в постсоветское время (в гербе).

Сложная история традиций лент и шарфов в Туве позволяет говорить о том, что регион занимает определенное место в обширном и многослойном ареале «ленточно-флажочной» культуры степного пояса Евразии.

Ключевые слова: тувинская культура; ритуальная лента; традиционная обрядность; шаманизм; буддизм; церемониальный шарф; кадак; приветствие; этикет; ленточно-флажочная культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Шаймерденова М. Дж. Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 152-176. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Россия, г. Москва. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — кандидат исторических наук, профессор; профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Темирбека Жургенова. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127. Эл. адрес: mena.mdsh@gmail.com

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuvva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

SHAIMERDENOVA, Mendyganym Dzhamalbekovna, Candidate of Historical Sciences, Professor; Professor, Department of "History of Kazakhstan and Social Sciences", Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts. Postal address: 127 Panfilova St., 050000, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mena.mdsh@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3731-0622

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

Kadak is a scarf of offering and consecration (from the history of tradition)

Chimiza K. Lamazhaa

Independent researcher, Russian Federation,

Mendyganym J. Shaimerdenova

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Kazakhstan

The article analyzes the history of the traditional Tuvan ritual scarf, or “kadak”. Etymological research shows that the name of the scarf is derived from the Tibetan language, and it came into use in Tuvan culture as a result of the influence of both Tibetan Buddhist and non-Buddhist traditions, with significant influence from Mongolian Buddhism. This can be seen in the adoption of practices and rituals from both traditions.

The peaceful coexistence of Buddhism and Shamanism in Tuvan society led to the widespread use of kadak scarves by shamans in rituals. Eyewitness accounts from the late 19th and early 20th centuries, as well as subsequent ethnographic research, confirm that kadaks become an integral part of the shamanic tradition in Tuva.

Kadaks were not only used in shamanic rituals, but also in Buddhist religious ceremonies. They were often paired with colored chalama ribbons, which were also an important part of shamanic practice. Kodaks were also used in Buddhist religious rituals in Tuva. In addition to their religious significance, the symbolism of the offering, which originated in Tibetan pre-Buddhist culture, was also adopted. This tradition was combined with the Tuvan custom of presenting ribbons made from animal skins.

The strong connection between Kodaks and Tuvan culture is evident in the symbols used by the Tuvan People’s Republic, which was restored after the Soviet era. The complex history of ribbons in Tuva shows that the region is part of a larger, diverse culture of ribbons and flags that spans the Eurasian steppes.

Keywords: Tuvan culture; ritual ribbon; traditional rituals; shamanism; Buddhism; ceremonial scarves; kadak; greeting; etiquette; culture of ribbons and flags

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Shaimerdenova M. J. Kadak is a scarf of offering and consecration (from the history of tradition). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 152-176. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Введение

Современную социокультурную жизнь тувинцев, так же как социокультурное пространство Тувы, на которой эта жизнь протекает, невозможно представить без всевозможных ритуальных лент и флагов: чалама, кадак, хей-аът-тугу и пр. (Ламажая, Санчай, Монгуш, 2023). Они «стали одной из примет современной тувинской этнической культуры, одним из маркеров ее возрожденной в XXI в. новой традиционности» (там же: 346). Однако, до недавнего времени этот важный аспект этнической культуры практически не изучался несмотря на то, что в других регионах распространения подобной традиции исследования уже активно проводятся (там же). За исключением уже процитированной работы, в тувиноведении эта тема еще оставалась нетронутой. Можно сказать, что работа только начата и углубление в аспекты ритуальной ленточной культуры в Туве показывает новые интересные грани, которые позволят расширить как представление об истоках этнической культуры, особенностях ее религиозной и обрядовой жизни, изменениях и взаимообогащениях традиций и современном состоянии.

Каждый отдельный вид объектов, условно названный нами общим термином «ритуальные ленты», может рассматриваться как важный элемент культуры. Он может пониматься как элемент культурного

наследия, материальное воплощение концепта культуры — важнейшей идеи культуры, выраженной в определенной лексике («словоформе»), диалектически связанной с человеческой активностью (Ламажаа, 2023; Тува: Родная ... , 2023: 8–27). Таким важным элементом культуры тувинцев (и не только тувинцев, но ряда других этносов) выступает шарф приветствия, подношений и благословения — *кадак* (*хадак*) — тонкий мягкий шелк разных цветов в форме широкой ленты¹, который во многом (как и лента *чалама*, см.: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 347–348) воплощает идею *ыдык* ‘святого, святости’ (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023).

В данной статье мы, опираясь уже на имеющиеся предварительные результаты (изложенные в статье: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023), проанализируем наиболее важные аспекты истории традиционного ритуального шарфа *кадак*: этимологию, происхождение и значение данного вида ритуальных лент, особенности ее использования в шаманизме, в буддизме, в повседневной традиционной жизни тувинцев; виды *кадаков*; его присутствие в государственной символике Тувы; и, наконец, зададимся вопросом о распространенности этой традиции в более широком культурном ареале, в котором Тува занимает определенное место.

Всестороннее исследование этого объекта материальной культуры тувинцев нуждается в комплексном, междисциплинарном исследовании с вниманием к результатам нескольких наук (филологии, истории, этнографии, религиоведения, социальной и культурной антропологии, даже культурной географии), а также соответственно и разных методов. Соответственно нашими источниками выступила литература нескольких групп: словари, справочники; путевые записи путешественников конца XIX — начала XX в.; научные исследования разных лет не только тувинской культуры, но и других регионов, входящих в поле внимания соответственно обсуждаемым темам; а также собственные наблюдения за этнокультурной жизнью современников и Интернет-публикации последних лет. Исторические сюжеты иллюстрированы также фотографиями с современными вариантами функционирования традиции.

Этимология, происхождение, значение

Б. И. Татаринцев пишет, ссылаясь на М. Ряснену, что слово *кадак* — тибетское заимствование в монгольском языке, откуда оно было перенесено в тувинский². На тибетском языке оно носит название *хада* (в латинской транскрипции *khata*, *kha-btags* (Modi, 1918: 111; Martin, 2016), на монгольском — *хадаг*, или как пишут российские авторы *хадак* (Жуковская, 2002: 16, 36 и пр.). В тувинском языке встречаются варианты и *кадак*, и *хадак* в связи с территориальными особенностями: как пишет Б. И. Татаринцев, в речи жителей западных и центральных районов Тувы ряд слов содержит начальные слабые [д] и [к], соответствующие сильным [т] и [х] в речи населения восточных районов (Татаринцев, 1976: 98–99).

Хотя часто *кадаки* воспринимаются прежде всего элементом (и показателем) буддийской культуры, тибетская традиция шарфа *хада* сама по себе не является буддийской. Исследователи полагают, что традиция молитвенных флагов и лент тибетского буддизма восходит к добуддийской религии Бон³ (Rabten, 2003: 153). Среди легенд о происхождении *хада* называется, например, история некоего миссионера Чжанцянь из династии Хань, который был отправлен с дипломатической миссией в западные регионы. Он проезжал мимо Тибета и подарил шелка вождю местного племени. В то время шелка были церемониальными подношениями, символизовавшими чистую дружбу. Таким образом, племена считали это этикетом проявления дружелюбия и желаний, к тому же он передался с центральных равнин, поэтому продолжали использовать его до сих пор. У тибетцев также есть

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 215. В статье далее мы будем использовать два варианта написания этого предмета: на тувинском языке *кадак* — курсивом, в неизменном виде, а также как заимствование в русском языке, без курсива, со склонениями русского языка (*кадаки*, *кадаков* и пр.).

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

³ Сегодня Бон считается высокосинкретичным религиозным комплексом, обусловленный встречей с индийскими (и, возможно) другими формами буддизма, поэтому его нельзя считать просто коренным или добуддийским, хотя в нем встречаются и древние пласты (Wedemeyer, 2004: 66).

религиозное объяснение происхождения *хада*: они говорят, что *хада* была лентой феи¹. Еще одна версия: в Тибете в прошлом тибетцы использовали шкуры животных для изготовления подарков. Люди носили овечью шерсть на шее, дарили ее друг другу. Со временем простую шерсть заменил шарф *хада*².

Тем не менее в способах приветствия у тибетцев, как пишет Дж. Моді, церемониальный шарф раньше занимал далеко не первое место. Он насчитал семнадцать способов, начиная от высовывания языка, наклонения головы или общего поклона, чесания головы — до вручения шарфа в знак вежливости и приложения его к отправляемому посланию (Modi, 1918: 114–115). При это само дарение шарфа, обмен платками он считал старым обычаем, пришедшим из Индии (там же: 122–123). О том же писал, например, У. Рокхил. Он считал, что использование церемониальных шарфов восходит к глубокой древности в Азии. Упоминания о них находятся в старых буддийских произведениях, изображения — на древних буддийских барельефах в Индии (Rockhill, 1894: 239). Оттуда обычай, по его мнению, распространился и на Китай (там же).

Тибетский *хада* — материя шириной, как правило, около 20–30 см и длиной до 1–2 м. Тибетцы считают, что белая *хада* олицетворяет чистоту и удачу, поэтому большинство *хада* выполнены в белом цвете. Некоторые из них разноцветные: синего, белого, желтого, зеленого и красного цветов. Синий символизирует небо, белый — облако, зеленый — речную воду, красный — защитника дхармы, а желтый — землю³. Сами тибетцы ее ткнут из пряжи. *Хада* преподносят всякий раз, когда происходит некое торжественное событие или прибывает важный гость издалека, наносится визит вождю или совершается прощальное путешествие (Юаньпэн, Алексеева, Тинтин, 2020: 26–27). Он считается важнейшим элементом этикета тибетского народа — обязательным в церемонии приветствия (Modi, 1918: 111; Li Tao, Jiang Hong Ying, 2003: 58, 61) и даже называется «характеристикой нации»⁴. Тибетцы *хада* называют «шарфом счастья» (*scarf of happiness*) (Modi, 1918: 111).

Лишь впоследствии ритуальные ленты, флаги и пр. стали в тибетском буддизме чрезвычайно распространенными, войдя также в состав буддийской символики (Бир, 2011: 80, 85, 136, 144, 176, 197 и др.).

В Туве и других регионах распространения буддизма как шелковые ленты *кадак*, так и религиозные флаги, также стали неперенными элементами буддийской ритуальности. Тем не менее, и первоначальный смысл использования *кадак* (*фото 1*) — шарф подношения, приветствия — в тувинской культуре также стал чрезвычайно распространенным, поскольку они оказались близки и добуддийским традициям. Поэтому практически сразу *кадаки* стали не только символами буддизма. Они органично соединились с традициями ритуальных лент и подношений у тувинцев-шаманистов (*фото 2*). Как отмечают авторы тувинско-русского словаря, главным предназначением *кадак* является преподношение важным, почитаемым лицам⁵.

Основное отличие *кадак* от *чалама*: *кадак* — шелковый и по размерам больше⁶. Такое же отличие есть и у других региональных традиций. Например, Э. В. Екеева и Э. А. Белекова описывают алтайские ленты *дьялама* (*кыйра*) также, как явно более узкие, чем *кадак*: 3–4 см шириной и 70–90 см длиной (Екеева, Белекова, 2018: 15).

¹ Chloe Xin. Presenting Hada in Tibetan Culture [Электронный ресурс] // Tibet Vista. 2023, 10 июня. URL: <https://www.tibettravel.org/tibetan-buddhism/847.html> (дата обращения: 12.03.2024).

² Khata: The Tibetan Scarf Symbolizing Respect and Blessing [Электронный ресурс] // Go to Tibet. 2023, 12 июля. URL: <https://www.gototibet.com/blog/khata.html> (дата обращения: 12.03.2024).

³ А. Давид-Неэль пишет, что цвета шарфов различались в зависимости от района Тибета: «В Южном и Центральном Тибете *кхадаки* белого цвета. В Северном Тибете, в провинции Кхам и в Монголии они голубого цвета. Причина этого в том, что в этих странах соблюдают китайские обычаи, а белый цвет в Китае — цвет траура, следовательно, не является благоприятным» (см.: Давид-Неэль, 2004: 20).

⁴ Ли М. Репрезентация национальной культуры Тибета в творчестве китайских художников 60-х годов XX века — начале XXI века: дисс. ... канд. искусств. Владивосток, 2019. С. 100.

⁵ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

⁶ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

Фото 1. Кадак пяти цветов. Фото Ч. Санчай, 2023 г.
Photo 1. Kadak of five colors. Photo by Ch. Sanchai, 2023.

Фото 2. Кадаки, повязанные у одного из древних святилищ в Туве. Фото Ч. Ламажаа, 2021 г.
Photo 2. Kadaks tied at one of the ancient sanctuaries in Tuva. Photo by Ch. Lamazhaa, 2021.

Кадак как обрядовая инновация шаманизма

В тувинской традиционной культуре, как и в других культурах распространения шаманизма, *кадак* нередко считается атрибутом шаманистских верований, причем даже этнографами. В литературе тувиноведения по крайней мере гораздо больше описания использования кадака именно в обрядах шаманизма, чем буддизма.

Шаманский погребальный обряд у тувинцев Л. П. Потапов описывал, упоминая *кадак*: «Завертывали тувинцы только тело покойного, а на лицо ему клали хадак (шелковый платок), после чего обращали его головой в сторону восхода солнца» (Потапов, 1969: 374). Он же описал фигурку женщины, вырезанную из дерева и окрашенную в красный цвет. Она была завернута в *кадак* вместе с маленькой бронзовой курительной трубкой, а все вместе это составляло ритуальный инвентарь, погребенный с шаманом в районе Кара-Холя и Монгун-Тайги (Потапов, 1960: 228).

Г. Н. Потанин написал про шаманскую куклу, на которую были повязаны хадак, а под хадаком «еще другой красный шелковый доскуток»¹. Также Е. К. Яковлев отмечал в увиденном им ээрена тувинского шамана одновременное наличие и шелкового кадака, и лент *чалама* (Яковлев, 1900: 101–102). Г. Е. Грумм-Гржимайло даже использует специальный термин «хадак-эрень» для обозначения «белого платка с нашитыми по верхнему борту пучками лент преимущественно белого цвета, чередующимися с шелковыми хадаками и шкурками белки-летяги (*Sciuropterus volans*), далее — шкуры кабарги (торгу, торбу [тооргу], орла (изыр [эзир]), совы (амарга) и другие предметы, ...»². Е. К. Яковлев также упоминает «хадак ирень»³.

Г. Н. Потанин упоминал о том, что во время камлания урянхайского шамана в Кобдо желающие узнать свое будущее клали ему в бубен свои подарки, в том числе и *хадак* («голубую шелковую тряпку»⁴). Большое количество хадаков, по его словам, также были развешаны на стенах юрты шамана с другими «лоскутьями»⁵. (См. использование кадаков в современной шаманской практике Тувы, *фото 3*).

Л. П. Потапов, описывая ритуал освящения лошади шаманом, в том числе он указывал, что после окуривания дымом можжевельника (*артыш*) и обмазывания частей тела животного маслом, к гриве, хвосту и удила затем привязывали и ленты *ыдыы* (ленты святости), и хадаки:

«... к гриве, хвосту и удилам привязывали ленточки (ыдыы⁶) и шелковые платки (хадаки). Ленточки и платки могли быть разных цветов, но к удилам привязывали только красные (иногда, за отсутствием таковых, привязывали пучок красных ниток). Ленточки к ыдыку привязывал старший брат или сыновья больного. Во время обряда шаман все время упрасивал ыдыка-лошадь принять болезнь хозяина на себя. <...> Когда лошадь отпускали, с нее снимали уздечку и отвязывали с удил красную ленточку (или нитки), которые клали потом на грудь больному» (Потапов, 1969: 364).

Также этнограф описал камлание шамана хадаком, а не бубном (там же: 380).

¹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 474.

² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 609.

³ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 250.

⁴ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 406.

⁵ Там же.

⁶ Очевидно, речь шла о *чалама*.

Фото 3. Кадаки, повязанные над шаманским «алтарем», в месте проведения дагылга, Барун-Хемчикский район.

Фото Ч. Ламажаа, 2021 г.

Photo 3. Kadaks tied above the shamanic "altar" at the dagylga venue, Barun-Khemchik district, Tuva.

Photo by Ch. Lamazhaa, 2021.

Ф. Я. Кон описал ситуацию, когда в пути он со спутниками изнывал от жажды в таежной местности и не мог обнаружить воды¹. Его спутник — тувинец «Сарых-бай», как он пишет его имя, «уныло восклицал»: «Джелама чок²», указывая на то, что в дороге не встречается *оваа* и мест повязывания *чалама* и *кадак*. Через некоторое время им встретились и дерево с многочисленными повязками («По внешнему виду это деревцо напоминало украшенную рождественскую елку»³), а также стала приближаться гроза. Сопровождающий шуточно предложил: «Кодак керек⁴». Кон достал шарф и тот «с напускной торжественностью» повесил его на дереве, при этом до этого обрядов он не совершал, подчеркивает в описании путешественник. То есть *кадак* рассматривался сам как жертвоприношение, достаточное для того, чтобы вызвать дождь.

Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал наличие прикрепленных на жерди *хадаков* в освященных шаманистских местах (*оваа дагыыр*)⁵. Также перечислял общим списком и ленты в подобных местах и Е. К. Яковлев: «*Оба тагын [оваа дагыыр]* — моление на особых местах, указываемых шаманами, на которых возводится громадный шалаш их хвороста в виде шарообразной юрты; внутри приносятся подарки, навешиваются идолы, листки с ламайскими молитвами, снаружи навешиваются кругом обо и на особых тычинках масса разнородных ленточек, тряпиц, *кадаков* [*хадак*] и пр. (*чалама*)»⁶.

Более того, даже сам ученый-инсайдер, знаток тувинской традиционной культуры М. Б. Кенин-Лопсан в описании атрибутов ритуалов шамана называл шелковые платки *кадактар*, которые крепились в отверстие *кузунгу* — специального ритуального зеркала (Кенин-Лопсан, 2009: 92). С помощью шелкового платка *кузунгу* сам крепился к жерди в юрте шамана (там же). С его (*кадак*) помощью, по сведениям автора, шаманы привязывали к себе приобретенное Небесное тело (железный предмет, редкий *ээрэн* для особо могущественных шаманов) (там же: 98–99).

Кенин-Лопсан также упоминал о разновидностях *кадак*, выделяя особо дорогой шелковый с кратким названием *хип*, который, по его словам, в старой Туве приравнялся по стоимости к лучшему скакуну. При этом большой шаман имел специальный *өзек ээрэн* (ядро), состоящий из пятидесяти (!) *хип* (там же: 101). Из *кадар хип* также делался *Шагар ээрэн* (*Ээрэн* «Жалить», в написании автора) (там же: 108). Сам *Шагар ээрэн* понимался как злой дух, отличался обидчивостью и суровостью, мог «ужалить» (видимо, вызвать травму, болезнь). Но в его функции входило строгое соблюдение взрослыми и детьми древних обычаев, связанных с культом домашнего очага.

Тем не менее применение шаманами лент *хадак* Н. Л. Жуковская назвала одной из обрядовых инноваций в ходе модернизации шаманства (Жуковская, 1977: 141). То же фиксируется и в других регионах. Так, исследователи алтайской культуры считают, что у алтайцев с появлением бурханизма *жалама* стали заменять *кыйра* (Шерстова, 2010: 209) — двумя парными ритуальными лентами шириной до 5 см и длиной около 1 м, которые повязывали к ветвям березы и лиственницы⁷.

¹ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 532–533.

² Т. к. *чалама чок* 'нет чалама'.

³ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию ... С. 533.

⁴ Т. е. *кадак керек* 'нужен кадак'.

⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 604.

⁶ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 245.

⁷ Алтайский этнографический словарь / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 188, 189, 328.

Кадак в буддийской культуре

Кадаки также сопровождали буддийские практики и ритуалы. Однако, упоминаний их в этом аспекте в тувинской историографии гораздо меньше.

Так, например, рассматривая отдельно шаманский и «ламаистский»¹ виды похорон, Л. П. Потапов описывал один из «ламаистских» видов в Эрзинском районе (причем умерший был Камбы-ламой):

«Обряд проходил следующим образом: умершего клали ничком, голым, с остриженными волосами и ногтями; накрывали его белым шелковым покрывалом, на котором золотой краской были написаны молитвы; поверх покрывала укладывали крестообразно два хадака (серого цвета), вытянув нижний вдоль спины, а второй — поперек первого...» (Потапов, 1969: 397).

А. В. Адрианов наблюдал, как гости, заходя в юрту, молитвенно воздевали руки, делали земной поклон «бурханам» (бурганам), прикасались головой к «божнице», на которой те стояли, а затем обменивались хадаками². В данном случае, правда, обмен состоялся уже после преклонений перед богами, и сразу переходил в область повседневных практик гостеприимства.

В. А. Ошурков, побывавший в Туве по поручению Русского географического общества, и посетивший хурээ в устье реки Барлыка на западе Тувы в 1902 г., отмечал, что во внутренность храма была «увешана занавесами и рядами цветных лент, спускающихся с потолка»³. И хотя в тексте ленты прямо не называются *кадак*, *хадак*, тем не менее очевидно, что это не могли быть *чалама*.

О том, насколько великой считалась сила кадака, например, говорится в сказке «Сказка про хитрого Болдан-Сенги», которую записал Ф. Я. Кон⁴ (Орус-оол, 2010: 193). В фольклорном тексте Болдан-Сенги, спасаясь от чертей и гнева Эрлик-хана⁵, выстроил себе внутри горы многослойный дом, «слои» которого состояли последовательно из железа, дерева, стекла, шелка и «ходака». И когда Эрлик-хан наслал на землю большой потоп, то все дома слоями были уничтожены, кроме внутреннего. Ф. Я. Кон объяснил это так:

«"Ходак [кадак]" — тонкая шелковая ткань, подносимая для выражения почета; она же употребляется и при молениях. Этим объясняется, почему дом их "ходака" мог уцелеть. "Ходак" недоступен для чертей»⁶.

Поскольку буддизм ассимилировался с местными культурами — домашанистскими и шаманистскими, то исследователи также отмечают и такие интересные обряды, которые выполнялись ламами, как моление с целью очищения от грехов, и в нем упоминается использование шелковых тканей. Так, В. П. Дьяконова описывает моление «оваа дагин»: перед молением ламы выбирали место старинного оваа около хурээ (если оно не находилось, то его выбирали и строили заново). Они устраивали гадание имеется ли рядом хозяин местности, если находили его, то вырывали яму, в него помещали домашнее животное (выбор животного определялся ламой по фишке). Яма должна была быть такой глубины,

¹ Устаревший термин, т. е. буддийский.

² Адрианов А. В. Шага (Сойотский Новый год) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 316–317.

³ Ошурков В. А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.). С. 252.

⁴ Кон Ф. Я. Сказка про хитрого Болдан-Сенги // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 477–483.

⁵ Эрлик-хан — повелитель царства мертвых.

⁶ Кон Ф. Я. Сказка про хитрого Болдан-Сенги // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 482.

чтобы была видна только спина животного. В яму также клались седло (если был выбран баран или бык), нож, мелкие вещи, в том числе хадаки. В целом считалось, что в яму надо положить девять *эртине*.

«Затем яму забрасывали землей, пока животное не скрывалось из вида. Животное должно было кричать в яме в течение всего дня, и считалось, что его крик услышит хозяин местности, обратит внимание на *оваа*. После этого здесь ставился восьмигранный деревянный столб, сделанный настоятелем храма — камбу ламой» (Дьяконова, 1977: 192).

О том, как использовались хадаки в буддийской ритуальной культуре тувинцев XIX — начала XX в. (см. кадак около развалин старого Устуу-Хурээ, *фото 4*; кадаки, повязанные перед новым храмом Тувы — Тубтен Шедруб Линг — *фото 5*), отчасти можно понять, условно экстраполируя описания А. М. Позднеева из монастырей Монголии (Позднеев, 1887). Мы учитываем не просто тибетские корни тувинского буддизма, а тот факт, что буддизм пришел сюда через Монголию (в XVIII в.) (Берзин, 1992: 24), и в целом тувинский буддизм, как пишет Т. Берзин, имел значительно более тесные связи с Монголией, чем бурятский (там же: 25).

По сведениям Позднеева, в монгольских храмах хадаки были из шелковой и бумажной материи, окрашивались обычно в четыре цвета: желтый, черный, белый и сиреневый. Самые длинные шелковые хадаки были длиной, как он пишет, в 2–3 маховые сажени¹, но также и в 1,5–2 аршина². Такие хадаки делались с украшениями: на некоторых были вытканы изображения бурганов (по большей части бургана Аюши, покровителя долгоденствия) — *вандан*; на других (обычно желтых) кружки шелками радужных цветов — *соном*; малые хадаки (1–3/4 аршина) без бурганов, вышитые цветами — *дашы хадак*; и, наконец, хадаки без всяких украшений называются *самбай* (Позднеев, 1887: 100–101).

А. М. Позднеев упоминает о том, что сосуд бумба, наполненный всякими священными драгоценностями (душистые и лекарственные травы; золото, серебро, кораллы, жемчуг, опалы, рубины и сапфиры; листья, исписанные молитвами), оборачивалась в желтый хадак и помещалась в «склеп» — центр квадратного места, предназначенного для постройки нового храма (там же: 24–25). Хадаки — непременная часть украшений, который развешиваются в «бесчисленном множестве» перед бурганами (богами) (там же: 107). Они также повязываются на стрелу, которая втыкается в *сором* — высокую окрашенную треугольную пирамиду из теста. Пирамида устанавливается на особом столе, окружается лампадами, жертвенными чашками, и освящается во время специального служения.

Также хадаки (сразу несколько штук) украшали жезл *чжукбо* одного из лам *зэбкуй*, который следил за порядком и тишиной во время богослужений в кумирнях и который никогда не должен был расставаться со своим жезлом (там же: 157).

Хадаки были одним из важных видов даров. Например, они вручались, по сведениям Позднеева, когда родители отдавали ребенка в монастырь на учебу. Происходила целая церемония, когда родные собирали будущего послушника, приезжали в назначенный день в храм и устраивали прием в устанавливаемой рядом юрте. Сюда приходили ламы и мальчик должен был одаривать их подарками, в том числе хадаками (там же: 130–131). Девять шелковых хадаков с изображением Аюши фигурируют в числе даров хубилгану (святому человеку, перерожденцу) от местного князя во время церемонии признания хубилгана (там же: 257). Во время приемов хубилгана знатные гости никогда не уходят без подарков. Позднеев описывает, что они вручаются, как только оживленный разговор между хозяином и гостем начинает истощаться, ламы прислужники тут же подают ламе подарок для гостя вместе с хадаком и *зангя* (освященными шелковыми нитями желтого цвета в связке) (там же: 261).

Хадаки также фигурируют в процессе молений. А. М. Позднеев отмечает *хадак*, который также может заменяться особым чистым шелковым платком. Его держит один из лам, которые читают молитву во время богослужений в монастыре (там же: 339). «Громадный» *хадак* в руках хашинов хана упоминается во время мистерии Цам при монастыре (там же: 399), как приветственный дар появляющимся маскам.

Из приведенных примеров складывается ощущение, что хадаки служили только дарами и маркерами святости, сами были весьма почитаемы. Однако, в описаниях Позднеева встречается и хадак для отирания *толи* (зеркала) (там же: 207).

¹Маховая сажень — старорусская единица измерения, равная расстоянию в размах обеих рук, по концы средних пальцев.

²Аршин — старорусская единица измерения длины, равная длине руки от кончиков пальцев до плеча.

Фото 4. Кадаки, повязанные у развалин старого Устуу-Хурээ, Дзун-Хемчикский район. Фото Ч. Санчай, 2023 г.
Photo 4. Kadaks tied at the ruins of the old Ustuu-Khure, Dzun-Khemchik district, Tuva.
Photo by Ch. Sanchai, 2023.

Фото 5. Кадаки, повязанные перед Центральным Тувинским Буддийским Монастырем Тубтен Шедруб Линг, г. Кызыл.
Фото Ч. Санчай, 2024 г.
Photo 5. Kadaks tied in front of the Central Tuvan Buddhist Monastery Tubten Shedrub Ling, Kyzyl. Photo by Ch. Sanchai, 2024.

Если же взглянуть на использование кадака (хадака) в тибетском буддизме, то здесь история еще более разнообразная. Бурятский-российский буддолог Г. Цыбиков побывал в Тибете (в столице страны Лхасе и окрестных монастырях) с 1899 по 1902 г. в группе паломников, и оставил дневниковые записи путешествия, которые были опубликованы. Он писал, что кадаки не только выступали для тибетцев и паломников Тибета как ценный дар, подношение¹, но и даже как своего рода пропуск для того, чтобы приблизиться к недоступному в обычное время Далай-ламе и получить от него благословение². Они были и платками для вытирания пота, например, прорицателю³, средством оплаты (уличным актерам, наряду с деньгами и едой (цзамба)⁴, а также как вознаграждением духовным лицам⁵. Одна прорицательница, например, подвязала хадаки в конце короткой толстой палки так, что, по словам Г. Цыбикова, та напоминала своего рода бич⁶.

Например, помимо традиционного значения его как дара, он может встречаться в тибетских источниках в самом неожиданном контексте. Например, в одном из тибетских преданий о превращении души умершего в злого духа рассказывается об ученом и благочестивом перерожденце монастыря Дрэпун Соднам-Дагпа, который жил в XVII в. Он был настолько затравлен многочисленными завистниками и заговорщиками, что покончил собой, забив глотку хадаком (Герасимова, 1989: 241). В другом случае хадак выступил средством удушения опального хутухты в 1900 г. в Центральном Тибете⁷. Э. Мартин пишет о важном значении хадака в тибетской международной дипломатии: например, он отправлялся в качестве подтверждения подлинности послания от Далай-ламы (Martin, 2016: 59). Исследовательница даже упоминает о том, что хадак могли использовать в качестве катапульты для метания денежных подарков артистам (там же: 60).

В целом Э. Мартин подчеркивает, что несмотря на определенное традиционное место церемониального шарфа в тибетской культуре, которую должен был почитать каждый тибетец, вплоть до самого Далай-ламы, тем не менее даже верховный правитель Тибета в исключительных случаях мог отходить от традиционных вариантов использования кадака и в целом относиться гибко к ритуальной практике, при необходимости менять ее (там же).

Тем самым, мы видим, что история тувинских кадаков, уходящая корнями в тибетскую и монгольскую, полна не только религиозного значения и почитания. В литературе тувиноведения мы также можем обнаружить упоминания о кадаках не только в религиозном, ритуальном смысле⁸.

Кадак как традиционное подношение

Как мы уже сказали, тувинцы стали активно использовать *кадак* и в его исконном, добуддийском значении — как предмет приветствия, подношения (*фото б*). Это произошло, поскольку для этого были свои культурные предпосылки.

Н. Ф. Катанов в начале XX в. писал, что в качестве подарков тувинцы раньше использовали «тадазын» (*дадаазын*) — белую полоску выделанной козлиной кожи. Сам «тадазын» исследователь называет подарком⁹. Изначально *кадак* был дорогим и недоступным предметом, поскольку он завозился из Монголии и Китая. Тем не менее постепенно его использование стало расширяться:

¹ Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 годах. М.: Ломоносов, 2011. С. 66, 82, 133, 135, 149, 154, 163, 169.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Так, П. П. Маслов назвал один шелковый *кадак* ценой за 30 операций по кастрации лошадей у одного местного мастера: Маслов П. П. Конец Урянхая. Путевые очерки // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 659.

⁹ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2011. С. 181, 201.

Фото 6. Кадаки в руках танцовщиц в русско-тувинском хороводе.

Фото А. Магавал, 2021 г.

Photo 6. Kodaks in the hands of dancers in the Russian-Tuvan round dance.

Photo by A. Magaval, 2021.

как отмечает сам Катанов, «тадазын» был заменен завозимым кадаком¹. Его массовое использование было зафиксировано этнографами первой половины XX в. как уже устоявшаяся традиция.

Е. К. Яковлев считает, что сама по себе стоимость «тодазын» (ленты замши), которая преподносилась наравне с *кадак*, не была важна, т. к. она была знаком внимания, а потому уже была ценной. Ее поднесение почти всегда отдаривалось. Например, богач или чиновник почти каждого, кто преподнес им «тодазын», отдаривал конем, коровой, бараной и т. д.²

Кадак дарили во время сватовства³ (см. современную форму использования, фото 7), для выражения благодарности, в том числе ламам⁴. Также его использовали и в качестве взяток чиновникам⁵.

Ф. Я. Кон, прибыв в Туву в 1902 г., заранее узнал о том, какой здесь существует церемониал «для того, чтобы подчеркнуть, что человек прибыл с самыми дружественными намерениями»⁶, и подойдя к старшему чиновнику, преподнес ему «ходак» и со словами «амыр, амыр» обе руки положил на его руки повыше локтя.

¹ Там же. С. 329.

² Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века / сост. А. К. Кужутет. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 68.

³ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 429; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 633.

⁴ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2011. С. 210.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию /// Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 369.

Фото 7. Повязывание рук невесты и жениха кадаками. Фото В. Папын, г. Кызыл, 2022 г.
Photo 7. Tying the hands of the bride and groom by kadaks. Photo by V. Papyn, Kyzyl, 2022.

Л. П. Потапов называл *кадак* в числе других ценных вещей (серебряных, халата хозяина, халата его старшего сына, буддийских книг) в большом *аптара* — главном сундуке тувинской юрты (Потапов, 1969: 154). О ценности кадака как подарка также упоминал С. И. Вайнштейн (Вайнтшейн, 1991: 81). Кадаки выступают в числе материальных благ, которые циркулировали в экономике региона. М. В. Монгуш называет 116 кусков кадака среди прочих товаров (причем количество кадака значительно превышает количество плиток чая, табака, шелка, обуви и пр.), которые в Улясутае в 1858 г. получили посылные хемчикского угерды¹ Очура от китайской торговой фирмы Чэнхэ. Чтобы затем расплатиться с китайцами, угерда распорядился собрать с казны двух хурээ (Бай-Кара и Сарыг-Булун) необходимое количество скота для выплаты его долга. К концу 1859 г. долг был погашен за счет 4 коней, 5 кобыл, 16 быков, 1 жеребенка, 66 овец и различных шкурок (Монгуш, 2001: 62–63).

Так, Л. П. Потапов подробно описывал сватовство тувинцев Монгун-Тайги, когда сваты приезжали к родителям невесты с дарами, в том числе кадаками:

«Войдя в юрту родителей будущей невесты, сваты рассаживались, и отец жениха, вступавший в роли главного свата, наливал чашку араки, почтительно преподносил ее на шелковом платке матери невесты

¹ Угерда — представители местной знати (наследственные правители), управлявшие в Туве и утвержденные в должности цзян-цзюнем во времена колонизации Урянхайского края Маньчжурской империей Китая.

и сообщал, что он приехал сватать ее дочку за своего сына. Мать невесты принимала чашку правой рукой, переключив ее в левую, затем, обмакнув в вино указательный палец правой руки, мазала вином себе лоб, после чего снова брала чашку в правую, немножко отливала из нее и возвращала свату, а кадак (платок) клала на деревянный столик в переднем углу, на котором стояли бурханы. Вторую чашку араки (также на шелковом хадаке) главный сват подавал отцу невесты. Тот, принимая вино, выпивал его, а хадак клал также на столик к бурханам. Затем сваты угощали вином прочих присутствующих в юрте родственников невесты, причем старшим из них по возрасту первую чаши араки преподносили также на хадаке. Каждый из них, приняв чашку, выпивал вино, а хадак клал к себе за пазуху» (Потапов, 1969; 234–235; см. также: 244–245).

Впоследствии мать невесты все кадаки, сложенные у статуэток буддийских богов, переключивала, по словам Л. П. Потапова, в специальный личный ящичек невесты (там же: 235).

На одном из предсвадебных обрядов начала знакомства родственников с двух сторон *шай бузар* 'разбивания чая' плитка чая также обязательно подносилась на кадаке (Биче-оол, 2018; 69; Лама-жаа, Майны, 2020: 409).

Если же родители невесты не принимали предложение другой стороны, не хотели отдавать дочь за сына этих людей, то *кадак* был в числе обязательных вещей для возврата даров (Потапов, 1969: 236).

Рождение ребенка у тувинцев также сопровождалось обрядами, в которых кадаки играли роль ценных даров. Так, молодые родители благодарили повитуху на празднике трех дней после рождения ребенка, дарили той *кадак* голубого цвета вместе с овечьей шкуркой, плиткой чая, куском белом материи (там же: 270). Такой же *кадак* (голубой — если стригли мальчика, и красный — если девочку) подвешивался к ножницам, с помощью которых на трехлетие ребенка проводился обряд первой стрижки волос. В него впоследствии заворачивали отрезанные волосы и прятали в главный *антара* (там же: 270–272).

Например, только один *кадак*, без других подарков, пишет Л. П. Потапов, лама получал, если совершал обряд над умершим ребенком (там же: 394).

А. К. Кужугет также отмечает, что кадаки стали использоваться тувинцами для приветствий, во время обмена жестами *чолукишууру* на праздник Шагаа (нового года по лунному календарю). До буддизма тувинцы, пишет она, протягивали друг другу обе руки, приветствуя друг друга, а позже стали использовать *кадак*, держа его на вытянутых руках¹.

Тем самым, подношение кадаков у тувинцев органично «легло» на имеющуюся добуддийскую традицию подношений подарков. Произошла только замена на привозной предмет, ценность которого была разной в зависимости от вида и размера. Тем не менее, надо подчеркнуть, что шелковые изделия были известны предкам тувинцев в результате давних торговых связей Китая с тюрками Саяно-Алтая начиная с IV–III вв. до н. э.² Так, Р. Н. Безертинов пишет о том, что женщины хуннской империи в результате торговли с Китаем сменили одежду из шерсти на шелковые платья (Безертинов, 2011: 130). Ю. С. Кайлачакова пишет, что с VI–VIII вв. н. э. на территории Саяно-Алтая у тюркских народов появился термин *torqu* 'шелк'³, от которого затем образовались локальные термины: *торко* — у алтайцев, *торгы* — у хакасов и *торгу* — у тувинцев⁴.

¹ Кужугет А. К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX века): учебное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2019. С. 16.

² Серегин Н. Н. Особенности использования китайского шелка в ритуальной практике раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии / Н. Н. Серегин // Алтай — Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах, Горно-Алтайск, 09–12 июня 2016 года. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. Т. 1. С. 126–129.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Ленинград: Наука, 1969. С. 578.

⁴ Кайлачакова Ю. С. Китайский шелк как компонент традиционной культуры тюрок Саяно-Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается, Барнаул, 01–31 августа 2008 года / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 45.

Классификация кадаков

Как мы уже упомянули выше, опираясь на сведения Позднеева, кадаки традиционно были разными.

Если Катанов, как мы пишем выше, считал, что хадаки заменили собой *дадаазын*, то А. В. Адрианов наблюдал их одновременное использование и считал, что хадаки из плотной канфы и другой шелковой материи — это подарки богатых людей (у тех, кто менее состоятельный — хадак из редельного шелка и коленкора), а *дадаазын* — узкий ремешок в полметра длиной — подношение бедняков¹.

Л. П. Потапов отмечал, что кадаки дарились разных размеров: самый большой — «айжы» — преподносился отцу невесты, поменьше — «сержи» — матери невесты; малого размера — «самбай» — прочим родственникам невесты (Потапов, 1969: 245–246). И кадаки в качестве дара сопровождали все предсвадебные церемонии и саму свадьбу (там же: 248, 253, 257, 258, 259, 262, 263, 264).

Б. И. Татаринцев уточняет данные названия:

айжы — самый дорогой (в монгольском языке ему соответствует *вандан*), имеет в длину 60 маховых саженей и цену лошади; название айжы восходит к имени буддийского божества Аюши, который считался покровителем долголетия и его изображение было выткано на шарфах;

сержи — средний по ценности *кадак*; происхождение слова Татаринцев затруднился точно назвать, но предположил, что оно также (по аналогии с *айжы*) восходит к имени какого-то божества. Вручается (матери невесты) вместе с *айжы кадак* (отцу невесты);

самбай — *кадак* самого низшего сорта, бумажный *кадак* (и иногда даже слово *самбай* сопровождается эпитетом *хирлиг* 'грязный'). Филолог подчеркивает, что сам факт вручения «грязного самбая» свидетельствовал, по-видимому, о бедности того лица, кому он принадлежал (Татаринцев, 2009: 70–71).

Данный тип ритуальных лент сейчас можно условно разделить также на следующие группы — в зависимости от цели использования, а также тех, кто их использует:

— во-первых, кадаки используются прежде всего в буддийских ритуалах священнослужителями — ламами (для повязывания на статуэтки, жезлы, оборачивания священных книг и пр.), а также верующие (те могут приносить на ритуалы кадаки, используя их для подношения даров ламам, повязывая в местах поклонения буддийским святым местам — ступам, возле храмов).

— во-вторых, кадаки повязываются шаманами и людьми во время и после шаманистских ритуалов — на объекты освящения: на деревья, шесты, в местах *оваа*, на животных и пр. Часто кадаки используются вместе с *чалама* (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 352).

— в-четвертых, кадаки используются верующими дома, в нерелигиозных учреждениях в качестве специального средства для хранения ценных священных предметов (в них оборачивают сборники сутр, фигурки богов, их подкладывают под фигурки в «красных уголках» и пр.);

— в-пятых, сами кадаки преподносят в качестве дара или вместе с другими дарами: при приеме ценных гостей, во время церемониалов, ритуалов, вручения подарков, которые передаются, уложенными на шарфы на обеих руках.

Цветовые различия кадаков (см. на *фото 1*) содержат определенные традиционные смыслы, которые транслируются тувинскими просветительскими инициативами следующим образом: белый — символ изначальной чистоты, чистых помыслов; синий — обозначает Вечное синее небо, символ гармонии, согласия и спокойствия; жёлтый — символ буддизма, плодородия, умножения и достатка, постоянства и неизменности, тепла, жизни; красный — символ сохранности и безопасности, а также притягивает все благие качества; зелёный — символ цветущей земли, благой активности, плодородия, пробуждения и устранения любых препятствий, символ роста и процветания².

¹ Адрианов А. В. Шага (Сойотский Новый год) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 316–317.

² Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. Официальный сайт. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 31.03.2024). См. также: Кадак деп чүл? [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. URL: <https://old.kntuva.ru/2021/10/11/кадак/> (дата обращения: 31.03.2024). При этом работники культуры опираются на описания из книги тувинского литератора, автора учебников и пособий по тувинской культуре Ч. М. Чульдума: Чулдүм Ч. М. Шагаам-сузуглелим: төөгү, ужурлар, оюннар, мөөрейлер, хөктүг-чугаалар. Кызыл, 1999.

Считается, что эти трактовки цветов восходят к тибетским-буддийским, однако, очевидно, что эти значения могут трактоваться в локальных традициях по-разному. Если же взглянуть на исследование тибетской буддийской цветовой символики, то мы выясним, что пять цветов, согласно буддийским канонам, в восходят к пяти основным элементам: земле (желтый, золотой), воде (белый), огню (красный), воздуху (зеленый) и пространству (синий). Цвета могут считаться как «отцовские», «материнские» и результат их смеси, т. е. существует определенная цветовая иерархия (Курасов, 2020: 12, 13; Бир, 2011: 14–32). В целом, цветовая символика тибетского буддизма гораздо более сложная, однако, конечно и в других ритуальных практиках простых верующих цветовые решения основных ритуальных предметах стали проще.

Кадак в государственной символике Тувы

Традиция использования *кадак* в тувинской культуре, как мы показали, является заимствованной, тем не менее она настолько органично, как и сам буддизм, в рамках которого она была привнесена, вошла в культурную жизнь тувинцев, что достаточно быстро стала считаться традиционной. Более того, в начале XX в. она вошла в государственную символику. И с этим значением *кадак* остается до сих пор.

Так, *кадак* белого цвета присутствовал на печати Правительства Танну-Тувинской Народной республики, на которой было нарисовано Колесо Учения в золотом обрамлении в форме жемчужин (Бичелдей, Монгуш, 2019: 5, 6 (рисунок 3 с реконструкцией эмблемы)). Символ окаймлен *кадаком* по всему ободу. Как пишут исследователи государственной символики времен Тувинской Народной Республики Б. Б. Монгуш и К. А. Бичелдей, с 1922 г. эта эмблема начала выполнять функцию государственного герба молодого государства, хотя в этот период государственные символы ТНР еще не были утверждены (там же: 5–6). Помимо этого, *кадак* присутствует и на знаменах Правительства ТНР, а также флагах ЦК ТНРП в 1920-е гг. (там же: 10–11)

Впоследствии в связи с переменами, происходившими в политической и социальной жизни Тувы, с внедрением коммунистической идеологии, советской политики, государственная символика стала «терять» буддийские элементы. Как пишут исследователи, тогда происходил геральдический феномен «исправления» гербов автономий РСФСР от «национальных» до «советских», в который оказалась вовлечена и Тувинская Народная Республика, будучи еще отдельным государством (Рахимов, Азнабаев, Фролова, 2022: 231). *Кадак* оставался еще в 1925–1930-х гг. на флаге ТНР, но не на гербе (который приобрел типично советские очертания с серпом и граблей, а также колосьями зерна, обвитыми красными лентами) (Бичелдей, Монгуш, 2019: 14). На флаге 1930 г. *кадака* уже нет (там же: 20).

Здесь надо сказать и о том, что общее использование *кадака*, шелковых тканей в советское время стало ограничено. Начало его исчезновения было отмечено О. Менхен-Хелфеном, который побывал в Туве в 1929 г. и написал, что после запрета русскими импорта из Китая¹, в Туву перестали поступать шелковые ткани. Поэтому, например, женщины, как заметил немецкий исследователь, украшавшие раньше свою верхнюю одежду спереди шелковыми лентами и кусками материи цветов радуги, перестали это делать: «этот декоративный прием уходит в прошлое»². Если у тувинцев раньше был безграничный выбор тканей также для головных уборов, то «сегодня не осталось ничего из бывшего изобилия»³.

¹ Историки пишут не столько о запрете, сколько о том, что российское правительство взяло под свой контроль товары, необходимые для снабжения армии, особенно импортные, с началом Первой Мировой войны (История Тувы, 2007: 18). В целом из Китая в Туву в 1920-х гг. продолжала поступать мануфактура, правда в гораздо меньшем объеме, чем из СССР (там же: 180).

² Менхен-Хелфен О. Путешествие в Азиатскую Россию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. Танну-Тувинская-Народная Республика (1921–1944 гг.). С. 274.

³ Там же.

В постсоветское время буддийские символы вернулись в государственную символику буддийских регионов. В Туве также, как в ряде других стран и регионов России (в Монголии¹, Бурятии², Калмыкии³, Агинском Бурятском округе Забайкальского края⁴), *кадак* стал геральдическим символом в гербе.

На гербе республики (авторы Иван Салчак, Олег Лазеев, утвержден в 1992 г.) в основании фигуры всадника, скачущего навстречу солнцу, расположен белый *кадак*, на котором изображена надпись «Тыва».

Рис. 1. Герб Республики Тыва.

Fig. 1. Coat of Arms of the Republic of Tuva.

Смысловое значение изображения ленты *кадак*, согласно статье 10 Закона Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва», состоит в отражении гостеприимства и дружелюбия народа Республики Тыва⁵. При этом, белый цвет государственной символики выражает чистоту и благородство общественной морали, открытость и самостоятельность государственной политики⁶.

Такого же белого цвета *хадак* (калм. *хадыз*) на гербе Республики Калмыкия, поскольку указывает на мирные взгляды и дружеские отношения со всеми народами⁷. А вот в гербе Республики Бурятия *хадак* изображен голубого цвета. Как отмечают А. А. Трипольская и А. Ю. Чистяков, голубые *хадаки* популярны именно в бурятской культуре, здесь голубой *хадак* преподносят родственникам, друзьям, уважаемым и почитаемым гостям. В целом, подчеркивают они, Далай-лама сразу определяет выходцев из Бурятии, прибывших на его учения, по синему цвету *хадаков*⁸.

Таким образом, *кадак* как маркер возрожденной в XXI в. новой традиционности тувинцев⁹ подчеркнут ныне и в государственной символике республики¹⁰.

¹Төрийн сүлд [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn/nn/2369/#gallery-2> (дата обращения: 02.04.2024).

²Закон о государственном гербе Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Народный хурал Республики Бурятия. URL: <https://www.parliament.mn/nn/2369/#gallery-2> (дата обращения: 02.04.2024).

³О республике. Символика [Электронный ресурс] // Правительство Республики Калмыкия. URL: <http://www.kalmregion.ru/o-respublike/simvolika/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴Закон Забайкальского края от 05 октября 2009 года N 231-33К «О символах Агинского Бурятского округа Забайкальского края» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://www.kalmregion.ru/o-respublike/simvolika/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵Конституционный закон Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва» от 31 декабря 1996 г. № 697 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/922220596> (дата обращения: 02.04.2024).

⁶Там же.

⁷Трипольская А. А., Чистяков А. Ю. Буддийские символы в гербах Республик Бурятия и Калмыкия // Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 20–22 февраля 2020 года. Т. 104. СПб.: Издательство «Государственный Эрмитаж», 2021. С. 355.

⁸Там же. С. 354.

⁹Или, характеризуя социокультурное явление и процесс, как мы писали также — как проявление этнокультурного неотрадиционализма (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 364; Попков, 2023: 212).

¹⁰См. также: Сат С. Ч., Иргит А. Ш. Государственные символы Тувы на современном этапе // Вестник ИрНТУ. 2013. № 12 (83). С. 414–416.

Однако, массовое использование кадаков в ритуалах повязывания стало вызывать и ряд проблем: организационных, экологических и пр. Органы государственной власти региона, отвечающие в том числе за соблюдение традиционных норм, выпускают соответствующие инструкции, разъяснения. Например, органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва, по материалам Центра традиционной тувинской культуры и ремесел, публикуют для чего нужен этот шарф, что означают его цвета и как его необходимо правильно дарить¹. А экологические ведомства и буддийские организации призывают к соблюдению экологической чистоты (см.: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 361–364; в Бурятии: Доржигушаева, Киплюкс, 2023).

Ареалы «ленточно-флажочной» культуры

Если широкое распространение лент шаманизма *чалама* в Туве (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 347–348) позволяет в том числе регион однозначно отнести к ареалу распространения сибирского шаманизма (Жеребина, 2009; и др.²), то рассмотрение традиции кадаков усложняет «ареальный» вопрос. Более того, приходится говорить о сложной структуре общего ареала «ленточно-флажочной» культуры евразийского материка.

Под этим термином — «ленточно-флажочная культура» — мы подразумеваем культуру (культуры), в которой распространены разнообразные ритуальные ленты, шарфы, флаги повязывания и подношений. Такую культуру легко опознавать благодаря визуальным знакам — разноцветью лент и флажков на разных объектах по всей территории (деревьях, деревянных и пр. сооружениях, на объектах религиозного характера). Кроме того, в ней чаще всего в традиции гостеприимства, одаривания также входит элемент подношения, одаривания ценным куском ткани.

Как мы уже отмечали, ряд исследований касался темы ритуальных лент или были полностью посвящены им в отдельных регионах России: Алтае, Бурятии, Хакасии, Калмыкии, а также в Монголии, Тибета и даже в регионах Центральной Азии³ (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 346). Тем не менее все эти исследования локальны по своему характеру и нам не удалось обнаружить ни одной работы, которая бы поднимала вопросы общего ареала данной традиции, подобно обобщающим работам по ареалам распространения, например региональных форм шаманизма (как уже выше сказано, например, сибирского) или буддизма (Берзин, 2006; Леонтьева, 2012; и др.), в целом религиозного ландшафта большого региона распространения шаманистско-буддийской культуры Сибири (Религиозный ландшафт ..., 2014, 2015, 2017).

А между тем, на наш взгляд, эта тема также чрезвычайно интересна и позволяет взглянуть не только на культурную карту мира под новым углом, но и проанализировать вопросы культурных влияний целого континента — Азии. В данной работе мы только коснемся этой темы в виде постановки проблемы, поскольку она не является целью исследования.

Шелковые шарфы приветствий и подношений *кадак*, *хадак* (и в других вариантах названий), как мы уже сказали, своим распространением обязаны буддийской культуре. Тем не менее происхождение их добуддийское, родственное шаманизму (упомянув о тибетской религии Бон, отметим, что исследователи предпочитают считать ее более сложной религиозной традицией, чем шаманизм). В самой тибетской культуре эти шарфы связаны прежде всего с традициями гостеприимства и одариваний. Эти смыслы органично соединились со смыслами, которые несут в шаманизме ритуальные, жертвенные ленты, выражающие идеи святости, освященности (тув. *ыдык*) (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 228, 235), то есть даров богам. Эта же традиция оказалась востребованной в религиозной практике самого буддизма с его почитанием учителей, Учения, получением благословения и пр., соответственно одаривание шарфами стало важной частью ритуальной жизни.

¹ Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. Официальный сайт. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 31.03.2024).

² Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия / сост. Т. Ю. Сем. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

³ Терлецкий Н. С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латта-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2007 года. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007. С. 118–122.

Именно поэтому очевидно, там, где буддизм ассимилировался с местными религиозными системами — шаманизмом, традиции соединились и образовали такой «взрыв» визуального «разноцветья», который часто считают одним из явных признаков, маркеров буддийской культуры региона.

Тем не менее, помимо шаманистско-буддийских регионов Азии (прежде всего тюрко-монгольских народов), на континенте есть и другие регионы, в которых также встречается традиция повязывания лент на разные объекты, ритуального использования лент. Так, например, ленты *салама* важны в ритуальной культуре якутов (Федорова, 2023: 312, 427), традиционной религией которых считается тенгрианство или тенгризм (там же: 7).

В странах Центральной Азии (которые в советские времена называли Средней Азией), например, в Кыргызстане существует традиция намогильных шестов с хвостом яка, которая восходит к обычаям воинственных кыргызов позднего Средневековья и Нового времени, населявших горы и долину Тянь-Шаня, расположенной ныне на территории Кыргызстана, Казахстана, Китая (Синьцзян-Уйгурского автономного района) и Узбекистана. Как пишут Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко и Ш. Орозбекова, в этой культуре важное место занимало древковое колющее оружие (копья и пики) (Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2016). К их наконечникам, верхней части древков крепились знамена, флаги, вымпелы с разными полотнищами (или пучки волос, хвосты). Также у юрты, или прямо в юрте (через отверстие в кошме) устанавливали копье, на котором развевался белый платок *желек* (там же: 163). В погребальной обрядности также использовались флаги (там же: 164). По мнению авторов, эта традиция — общая для скотоводческих народов степного пояса Евразии и восходит к традициям древних тюрков (там же: 165).

Об архаическом сооружении *туг* (уйгурского происхождения) народов центральноазиатского региона писал и В. Н. Басилов (Басилов, 1992: 87–88). Его устанавливали в юрте, вкапывали в землю и обвешивали лоскутами материи. Ученый ссылался на мнение С. Е. Малова, который полагал, что уйгурский *туг* играл ту же самую роль, что и дерево в шаманских обрядах народов Сибири. То есть он, по существу, заменял дерево и должен был быть обязательно увешан лентами. При этом шаманы Центральной Азии не имели ритуальной одежды, подобной сибирским шаманам, но тем не менее, подчеркивает Басилов, «это не значит, что здесь вообще отсутствовала шаманская обрядовая одежда» (там же: 89). Например, лоскуты ткани и ленты украшали специальный посох *баксы* (шамана) восточных казахов (там же: 76). Куски белой и красной ткани вешали на разные стены дома и шаманы узбеков Хорезма (там же: 87).

К сожалению, в современных исследованиях казахской культуры работ о проявлениях «ленточно-флажочной» культуры нет. Тем не менее, обрывочные упоминания в литературе присутствуют. Более того, З. К. Сураганова пишет, что «привязывать лоскутки в местах поклонения — широко распространенная традиция у казахов. Полоски материи или оторванные от одежды лоскуты приносились в жертву духам деревьев, отсюда и их название — “деревья в лохмотьях”» (Сураганова, 2009: 100). В народном эпосе казахов, подчеркивает она, также есть упоминания о ритуале, связанном с лентами. Например, в одном из таких произведений мать героя, считая, что заросли колючих кустарников являются местом, обладающим чудотворной силой, срывает с себя платок и, разорвав его на ленты, вешает их на эти кусты (там же: 65). До сих пор путники в Казахстане практикуют повязывание лент на деревьях на горных перевалах (*фото 8*).

Об этом также говорит Б. Каирбеков, казахский поэт, исследователь и популяризатор традиционной казахской культуры¹. По его словам, на перевалах люди вешали тряпицы разных цветов с пожеланием доброго пути. Они символизировали пуповинную связь с хозяином местности. Каирбеков также описывает черно-белую веревку *ала жип*, которая символизирует противоположности. И несмотря на то, что *ала* переводится как «пестрый», тем не менее речь идет не о простой «пестроты», это священная связь (поэтому горы Алатау, например, правильнее, по мнению Б. Каирбекова, переводить как Священные горы). *Ала жип* повязывалась к верблюду; использовалась в похоронной обрядности; применялась в обряде *тұсау кесу* ‘перерезания пут’ (перерезания веревки, повязанной крест-накрест, восьмеркой на ножки ребенка, когда он вставал на ноги и делал первые шаги) (Каирбеков, 2011: 86).

¹ По информации У. М. Бахтикиреевой, передавшей нам содержание беседы с Б. Каирбековым (апрель 2024 г.).

Фото 8. Повязывание лент на дерево на перевале Медео, Казахстан, 2000 г.

Фото из архива У. М. Бахтикреевой.

Photo 8. Tying ribbons on a tree at Medeo pass, Kazakhstan, 2000.

Photo from the archive of U. M. Bakhtikireeva.

В целом, если глубже исследовать проблему появления «ритуально-ленточной культуры» и ее особого расцвета в регионах шаманистско-буддийской культуры, то очевидно следует рассматривать совокупность факторов.

Заключение

Таким образом, углубленное рассмотрение истории, этимологии одного из ярких и заметных элементов тувинской традиционной культуры — шарфа приветствий, благословения и подношений — *кадак*, не только, собственно, освещает неисследованные традиции тувинской этнической культуры, но открывает нам новые аспекты тувинского культурогенеза. Мы выясняем, что эта традиция заимствованная, тем не менее она органично соединилась с подобной собственной тувинской традицией (подношений лент даров). Несмотря на то, что традиция шелковых шарфов пришла с буддийским влиянием на регион, благодаря наличию в тувинском шаманизме широкого использования лент *чалама*, использование кадаков приняло такой массовый характер в шаманистских практиках, что практически сразу он стал считаться и элементом шаманистской культуры. Кадаки были важны не только для буддийских ритуалов, они заменили и элементы подношений в ритуалах гостеприимства, одаривания.

Все это быстрое внедрение и принятие кадаков в тувинскую традиционную культуру отразилось и на государственной символике Тувы, и сейчас без данных шелковых шарфов невозможно представить социокультурную жизнь тувинцев.

Но, помимо всего этого, если учитывать еще более глубокую историю не только самих шарфов гостеприимства, но и в целом использования лент, флажков в культурах Тувы и других регионов России и мира, мы обнаруживаем новые грани культурной карты мира.

Благодарности

Благодарим за помощь с подбором литературы и информации, с иллюстрациями — коллег из Тувинского государственного университета: кандидата филологических наук Надежду Дарьевну Сувандии, кандидатов культурологии Шенне Борисовну Майны и Чойган Херел-ооловну Санчай; а также доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов Улданай Максutowну Бахтикирееву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басилов, В. Н. (1992) Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука. 328 с.
- Безергинов, Р. Н. (2011) Китай и кочевой мир (1500 лет до н. э. по 220 год н. э.). Казань : Издательство «Слово». 208 с.
- Берзин, А. (1992) Тибетский буддизм: Его история и перспективы развития. М. : Традиционная медицина. 31 с.
- Берзин, А. (2006) Избранные труды по буддизму и тибетологии. М. : Открытый Мир. 208 с.
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М. : Ориенталия. 428 с.
- Бичелдей, К. А., Монгуш, Б. Б. (2019) Государственные символы Тувы: герб, флаг и гимн, денежные и почтовые знаки. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 112 с.
- Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 126 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 294 с.
- Герасимова, Г. М. (1989) Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 317 с.
- Давид-Неэль, А. (2004) Посвящения и посвященные в Тибете. М. : Центрполиграф. 236 с.
- Доржигушаева, О. В., Киплюкс, А. В. (2023) Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия // Новые исследования Тувы. № 4. С. 328–343. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Дьяконова, В. П. (1977) Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в. / отв. ред. Д. А. Ольдерроге. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 235 с. С. 172–216.
- Екеева, Э. В., Белекова, Э. А. (2018) Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский Институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 119 с.
- Жеребина, Т. (2009) Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. СПб. : Амфора ; ТИД Амфора. 623 с.
- Жуковская, Н. Л. (1977) Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 199 с.
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М. : Восточная литература. 246 с.
- История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. 430 с.
- Каирбеков, Б. (2011) Национальные обычаи и традиции. Казахский этикет. Алматы : б. и. 109 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 383 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ «Маска»». 325 с.
- Курасов, С. В. (2020) Цветовая семиотика буддийского искусства Тибета: жанр танка // Language. Philology. Culture. Т. 10. Вып. 1–2. С. 10–19.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Ламажаа, Ч. К., Санчай, Ч. Х., Монгуш, А. В. (2023) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Леонтьева, Л. (2012) Путеводитель по буддизму. Иллюстрированная энциклопедия. М. : Эксмо. 256 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 197 с.

Ойноктинова, Н. Р. (2015) О некоторых результатах полевого исследования современного обрядового фольклора алтайцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1(28). С. 50–55.

Орус-оол, С. М. (2010) Фольклорные материалы в семитомнике «Урянхай. Тыва дептер» // Новые исследования Тувы. № 3. С. 184–202.

Позднеев, А. (1887) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб. : Тип. Императ. акад. Наук. 492 с.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3 (21). С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Потапов, Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ие. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. 317 с. С. 171–237.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 400 с.

Рахимов, Р. Н., Азнабаев, Б. А., Фролова, И. В. (2022) Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 226–240. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2014) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в. 214 с.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2015) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. Т. 2: XX в. 194 с.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2017) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Алтайский государственный университет. Т. 3: Конец XX — начало XXI в. 190 с.

Сураганова, З. К. (2009) Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана : КАМ-Медиапринт. 192 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) Избранные научные труды. Кызыл : Тываполиграф. 287 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.

Тува: Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Худяков, Ю. С., Борисенко, А. Ю., Орозбекова, Ж. (2016) Символика копий, бунчуков и знамен в традиционной культуре кыргызов (Тянь-Шаня и Алатая) // Этнографическое обозрение. № 3. С. 162–179.

Шерстова, Л. И. (2010) Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Томский гос. ун-т. 285 с.

Юаньпэн, Х., Алексеева, Г. В., Тинтин, Ц. (2020) Тибетская культура бассейна реки Хуанхэ в творчестве современных китайских художников // ИКОНИ. № 4. С. 25–37.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск. Вып. IV. Описание Минусинского музея. 357 с.

Martin, E. (2016) Gift, Greeting Or Gesture: The Khatak And The Negotiating Of Its Meaning On The Anglo-Tibetan Borderlands // Himalaya. № 35(2). P. 56–72.

Modi, J. J. (1918) Tibetan salutations and a few thoughts suggested by them // Anthropological Papers. Part II; Papers read before the Anthropological Society of Bombay; The British India Press, 1918. 369 p. P. 110–123.

Li Tao, Jiang Hong Ying (2003) Tibetan customs. China Intercontinental Press. 126 p.

Rabten, T. (2003) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags) // Proceedings of the tenth seminar of the IATS. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. 2011. xi, 336 p.

Rockhill, W. W. (1894) Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington : Smithsonian institution. XX, 413 с.

Wedemeyer, C. K. (2004) Bon // Encyclopedia of Buddhism / Ed. by R. E. Buswell. New York [etc.] : Macmillan Reference. Vol. 1: A-L. 1042 p. P. 66–68.

Дата поступления: 10.04.2024 г.

Дата принятия: 20.04.2024 г.

REFERENCES

- Basilov, V. N. (1992) *Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, Nauka. 328 p. (In Russ.).
- Bezertinov, R. N. (2011) *China and the nomadic world (1500 BC to 220 AD)*. Kazan', Slovo Publ. 208 p. (In Russ.).
- Berzin, A. (1992) *Tibetan Buddhism: Its history and Development Prospects*. Moscow, Traditsionnaia meditsina. 31 p. (In Russ.).
- Berzin, A. (2006) *Selected works on Buddhism and Tibetology*. Moscow, Otkryti Mir. 208 p. (In Russ.).
- Bir, R. (2011) *Encyclopedia of Tibetan Symbols and Ornaments / transl. from Engl. by L. Bubenkovoii*. Moscow, Orientaliia. 428 p. (In Russ.).
- Bicheldei, K. A. and Mongush, B. B. (2019) *State symbols of Tuva: coat of arms, flag and anthem, monetary and postal signs*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo im. Yu. Sh. Kiunzegesha. 112 p. (In Russ.).
- Biche-ool, S. M. (2018) *Traditional marriage and family relations among Tuvans and their transformation in the Soviet period*. Abakan, Zhurnal'ist. 126 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1991) *The world of the nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 294 p. (In Russ.).
- Gerasimova, G. M. (1989) *Traditional beliefs of Tibetans in the cult system of Lamaism*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 317 p. (In Russ.).
- David-Neel', A. (2004) *Initiations and initiates in Tibet*. Moscow, Tsentrpoligraf. 236 p. (In Russ.).
- Dorzhi-gushaeva, O. V. and Kipliuk, A. V. (2023) Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 328–343. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- D'iakonova, V. P. (1977) Religious cults of Tuvans. In: *Cultural monuments of the peoples of Siberia, the peoples of Siberia and the North (the second half of the XIX — the beginning of the XX century / ed. by D. A. Ol'derroge*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 235 p. Pp. 172–216. (In Russ.).
- Ekeeva, E. V. and Belekova, E. A. (2018) *Cult attributes in the traditional worldview of the Altai people*. Gorno-Altai, BNU RA «Nauchno-issledovatel'skii Institut altaistiki im. S. S. Surazakova». 119 p. (In Russ.).
- Zherebina, T. (2009) *Siberian Shamanism: an Ethnocultural Atlas*. St. Petersburg, TID Amfora. 623 p. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (1977) *Lamaism and early forms of religion*. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 199 p. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbolism*. Moscow, Vostochnaia literatura. 246 p. (In Russ.).
- The history of Tuva (2007) / ed. by V. A. Lamin*. Novosibirsk, Nauka. 430 p. (In Russ.).
- Kairbekov, B. (2011) *National customs and traditions. Kazakh etiquette*. Almaty, s. n. 109 p. (In Russ.).
- Katanov, N. F. (2011) *Essays of the Urianhai land. Diary of a journey performed in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society*. Kyzyl, TIGI pri Pravitel'stve RT. 383 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvan shamans*. Moscow, OOO «IPTs "Maska"». 325 p. (In Russ.).
- Kurasov, S. V. (2020) The color semiotics of Tibetan Buddhist art: the genre of the tank. *Language. Philology. Culture*, vol. 10, issue 1–2, pp. 10–19. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Lamazhaa, Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush, A. V. (2023) Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 344–370. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Leont'eva, L. (2012) *A guide to Buddhism. The Illustrated Encyclopedia*. Moscow, Eksmo. 256 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *The history of Buddhism in Tuva*. Novosibirsk, Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Oinotkinova, N. R. (2015) On some results of a field study of the modern ceremonial folklore of the Altaians. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 1(28), pp. 50–55. (In Russ.).

- Orus-ool, S. M. (2010) Folklore materials in 7-volume "Uryankhay. Tyva Depter" book. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 184–202. (In Russ.).
- Pozdneev, A. (1887) *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia*. St. Petersburg, Tip. Imperat. akad. Nauk. 492 p. (In Russ.).
- Popkov, Yu. V. (2023) Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive Integration Theoretical Model. *Etnografiia*, no. 3 (21), pp. 203–223. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)
- Potapov, L. P. (1960) Materials on the ethnography of the Tuvans of the Mongun-Taiga and Kara-Khol districts. In: *The works of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningradskoe otd-ie. Vol. 1: Materials on archeology and ethnography of Western Tuva. 317 p. Pp. 171–237. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the everyday life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Rakhimov, R. N., Aznabaev, B. A. and Frolova, I. V. (2022) The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 226–240. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2014) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 1: Late antiquity – the beginning of the twentieth century. 214 p. (In Russ.).
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2015) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 2: The twentieth century. 194 p. (In Russ.).
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2017) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 3: The end of the XX – beginning of the XXI century. 190 p. (In Russ.).
- Suraganova, Z. K. (2009) *Exchange of gifts in the Kazakh traditional culture*. Astana, KAM-Mediaprint. 192 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (2009) *Selected scientific works*. Kyzyl, Tyvaoligraf. 287 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 130 p. (In Russ.).
- Tuva: Native land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B. and Sanchai Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Khudiakov, Iu. S., Borisenko, A. Iu. and Orozbekova, Zh. (2016) The symbolism of spears, bunchukas and banners in the traditional culture of the Kyrgyz (Tien Shan and Alai). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 162–179. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2010) *Burkhanism: the origins of Ethnicity and religion*. Tomsk, Tomskii gos. un-t. 285 p. (In Russ.).
- Iuan'pen, Kh., Alekseeva, G. V. and Tintin, Ts. (2020) Tibetan culture of the Yellow River Basin in the works of modern Chinese artists. *IKONI*, no. 4, pp. 25–37. (In Russ.).
- Yakovlev, E. K. (1900) *An ethnographic review of the non-native population of the Southern Yenisei Valley*. Minusinsk. Issue IV. Description of the Minusinsk Museum. 357 p. (In Russ.).
- Martin, E. (2016) Gift, Greeting or Gesture: The Khatak and The Negotiating of Its Meaning On The Anglo-Tibetan Borderlands. *Himalaya*, no. 35(2), pp. 56–72.
- Modi, J. J. (1918) Tibetan salutations and a few thoughts suggested by them. In: *Anthropological Papers*. Part II; Papers read before the Anthropological Society of Bombay; The British India Press, 1918. 369 p. P. 110–123.
- Li Tao and Jiang Hong Ying (2003) *Tibetan customs*. China Intercontinental Press. 126 p.
- Rabten, T. (2003) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags). In: *Proceedings of the tenth seminar of the IATS*. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. 2011. xi, 336 p.
- Rockhill, W. W. (1894) *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892*. Washington, Smithsonian institution. XX, 413 p.
- Wedemeyer, C. K. (2004) Bon. In: *Encyclopedia of Buddhism* / Ed. by R. E. Buswell. New York [etc.], Macmillan Reference. Vol. 1: A-L. 1042 p. Pp. 66–68.

Submission date: 10.04.2024.

Acceptance date: 20.04.2024.